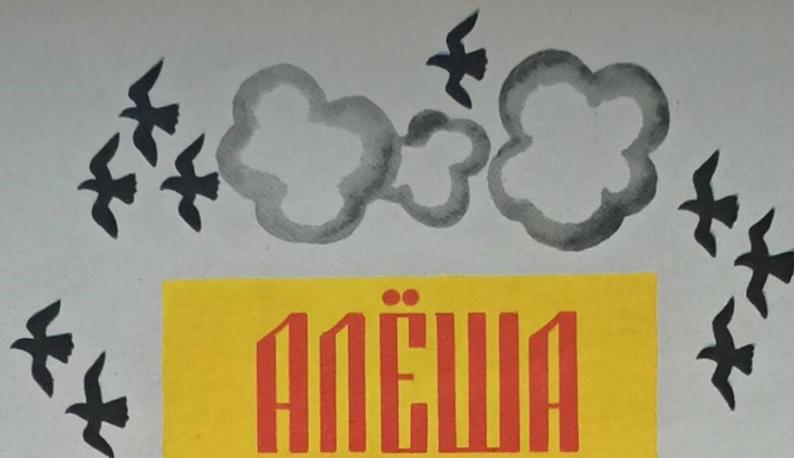

АЛЁША ПОПОВИЧ

ИЗДАТЕЛЬСТВО · МАЛЫШ · 1974

АЛЁША ПОПОВИЧ

ИЗДАТЕЛЬСТВО · МАЛЫШ · 1974

АЛЁША ПОПОВИЧ

В славном городе во Ростове, у соборного попа отца Левонтия в утешенье да на радость родителям росло чадо единое—любимый сын Алёшенька.

Парень рос, матерел не по дням, а по часам, будто тесто на опаре подымался, силой-крепостью наливался. На улицу он стал побегивать, с ребятами в игры поигрывать. Во всех ребячьих забавах-проказах заводилой-атаманом был: смелый, весёлый, отчаянный—буйная удалая головушка!

Иной раз соседи и жаловались: „Удержу в шалостях не знает! Уймите, пристрожьте сынка!“

А родители души в сыне не чаяли и в ответ говорили так: „Лихостью-строгостью ничего не поделаешь, а вот вырастет, возмужает он, и все шалости-проказы как рукой снимутся!“

Так и рос Алёша Попович-млад. И стал он на возрасте. На резвом коне поезживал, научился и мечом владеть. А потом пришёл к родителю, в ноги отцу кланялся и стал просить прощеньица-благословеньица: „Благослови меня, родитель-батюшка, ехать в стольный Киев-град, послужить князю Владимиру, на заставах богатырских стоять, от врагов нашу землю оборонять“.

„Не чаяли мы с матерью, что ты покинешь нас, что

покоить нашу старость будет некому, но на роду, видно, так написано: тебе ратным делом труж-даться. То доброе дело, а на добрые дела прими наше благо-словенье родительское, на худые дела не благословляем тебя!”

Тут пошёл Алёша на широкий двор, заходил во конюшню стоя-лую, выводил коня богатырского и принялся коня заседлывать. Сперва накладывал потнички, на потнички клал войлочки, а на войлочки седельшко черкесское, туго-натуго подпруги шелковы затягивал, золотые пряжки застё-гивал, а у пряжек шпенёчки бу-латные. Всё не ради красы-басы, а ради крепости богатырской: как ведь шёлк не трётся, булат не гнётся, красное золото не ржавеет, богатырь сидит на коне, не стареет.

На себя надевал латы коль-чужные, застёгивал пуговики жем-чужные. Сверх того надел на-грудник булатный на себя, взял доспехи все богатырские. В на-лучнике тугой лук разрывчатый да двенадцать стрелочек калёны-их, брал и палицу богатырскую да копьё долгомерное, мечом-

кладенцом перепоясался, не забыл взять и острый нож-кинжалище. Зычным голосом крикнул паробка Евдокимушку: „Не отставай, следом правь за мной!“

И только видели удала добра молодца, как на коня сядился, да не видели, как он со двора укатился. Только пыльная курева поднялась.

Долго ли, коротко ли путь продолжался, много ли, мало ли времени длилась дорога, и приехал Алёша Попович со своим паробком Евдокимушкой в стольный Киевград. Заезжали не дорогой, не воротами, а скакали через стены городовые, мимо башни наугольной на широкий на княжий двор. Тут соскакивал Алёша со добра коня, он входил в палаты княженецкие, крест клал по-писаному, а поклоны вёл по-учёному: на все на четыре стороны низко кланялся, а князю Владимиру да княгине Апраксии во особицу.

В ту пору у князя Владимира заводился почестен пир, и приказал он своим отрокам-слугам верным посадить Алёшу у запечного столба.

АЛЁША ПОПОВИЧ И ТУГАРИН

Славных русских богатырей в то время в Киеве не случилось. На пир съехались, сошлись князья с боярами, и все сидят невеселы, нерадостны, буйны головы повесили, утопили очи в дубовый пол...

В ту пору, в то времечко с шумом-грохотом двери на пяту размахивал и вошёл в палату столовую Тугарин-собачище. Росту Тугарин страшного, голова у него, как пивной котёл, глазища, как чашища, в плечах — косая сажень. Образам Тугарин не молился, с князьями, с боярами не здоровался. А князь Владимир со Апраксией ему низко кланялись, брали его под руки, посадили за стол во большой угол на скамью дубовую, раззолоченную, дорогим пушистым ковром покрытую. Расселся-развалился на почётном месте Тугарин, сидит во весь широкий рот ухмыляется, над князьями, боярами насмехается, над Владимиром-князем изгаляется. Ендовами пьёт зелено вино, запивает медами стоялыми.

Принесли на столы гусей-лебедей да серых утушек печёных, варёных, жареных. По ковриге хлеба за щеку Тугарин клал, по белому лебедю зараз глотал...

Глядел Алёша из-за столба запечного на Тугарина-нахалища да вымолвил: „У моего родителя, попа ростовского, была корова-обжориста: по целой лохани пойло пила, покуда обжористу корову не разорвало!“

Тугарину те речи не в любовь пришли, показались обидными. Он метнул в Алёшу острым ножом-кинжалищем. Но Алёша — он увёртлив был, на лету ухватил рукой острый нож-кинжалище, а сам невредим сидит. И возговорил таковы слова: „Мы поедем, Тугарин, с тобой во чисто поле да испробуем силы богатырские“.

И вот сели на добрых коней и поехали в чистое поле, в широкое раздолье. Они бились там рубились до вечера, красна солнышка до заката, никоторый никоторого не ранили. У Тугарина конь на крыльях огненных был. Взвился, поднялся Тугарин на крылатом коне под оболочки и ладится время улучшить, чтобы кречетом сверху на Алёшу ударить-упасть. Алёша стал просить, приговаривать: „Подымись, накатись, туча тёмная! Ты пролейся, туча, частым дождичком, залей, затуши у Тугарина коня крылья огненные!“ И откуда ни возмись — нанесло тучу тёмную. Пролилась туча частым дождичком, залила-потушила крылья огненные, и спускался Тугарин на коне из поднебесья на сыру землю.

Тут Алёшенька Попович-млад закричал зычным голосом, как в трубу заиграл: „Оглянись-ко назад, басурман! Там ведь русские могучие богатыри стоят. На подмогу мне они приехали!“

Оглянулся Тугарин, а в ту пору, в то времечко подскочил к нему Алёшенька — он догадлив да сноровист был — взмахнул богатырским мечом своим и отсёк Тугарину буйну голову. На том поединок с Тугарином и окончился.

БОЙ С БАСУРМАНСКОЙ РАТЬЮ ПОД КИЕВОМ

Повернул Алёша коня вещего и поехал в Киев-град. Настигает, догоняет он дружину малую—русских вершников. Спрашивают дружинники: „Ты куда правишь путь, дородный добрый молодец, и как тебя по имени зовут, величают по отчине?“

Отвечает богатырь дружинникам: „Я—Алёша Попович. Бился-ратился вот во чистом поле с нахвальщиком Тугарином, отсёк ему буйну голову да вот и еду в стольный Киев-град“.

Едет Алёша с дружинниками, и видят они: возле самого города Киева рать-сила стоит басурманская. Окружили, обложили стены городовые со всех четырёх сторон. И столько силы той неверной нагнано, что от крику басурманского, от ржания конского да от скрипу от тележного, шум стоит, будто гром гремит, и унывает сердце человеческое. Возле войска по чисту полю разъезжает басурманский наездник-богатырь, громким голосом орёт, похваляется: „Киев-город мы с лица земли сотрём, все дома да божьи церкви огнём спалим, головнёй покатым, горожан всех повырубим, бояр да князя Владимира во полон возьмём и заставим у нас в орде в пастухах ходить, кобылиц доить!“

Как увидели несметную силу басурманскую да услышали хвастливые речи наездника-нахвальщика Алёшины попутчики-дружинники, придержали ретивых коней,

посмурнели, замешкались. А Алёша Попович горяч-напорист был. Где силой взять нельзя, он там наскоком брал. Закричал он громким голосом: „Уж ты гой-еси, дружина хоробрая! Двум смертям не бывать, а одной не миновать. Краше буйну голову нам в бою сложить, чем славному стольному городу Киеву позор пережить! Мы напустимся на рать-силу несметную, освободим от напасти великий Киев-град, и заслуга наша не забудется, пройдёт, прокатится про нас слава громкая: услышит про нас и старый казак Илья Муромец, сын Иванович. За храбрость нашу он нам поклонится: то ли не почёт, не слава нам!“

Напускался Алёша Попович-млад со своей дружиной храброю на несметные вражьи полчища. Они бьют басурман, как траву косят: когда мечом, когда копьём, когда тяжёлой боевой палицей. Самого главного богатыря-нахвальщика достал Алёша Попович острым мечом и рассёк-развалил его надвое. Тут ужас-страх напал на врагов. Не устояли супротивники, разбежались

куда глаза глядят. И очистилась дорога в стольный Киев-град.

Князь Владимир про победу узнал и на радости пир-столованье заводил, да не позвал на пир Алёшу Поповича. Обиделся Алёша на князя Владимира, повернул своего коня верного и поехал в Ростов-город, к своему родителю—соборному попу ростовскому Левонтию.

АЛЁША, ИЛЬЯ И ДОБРЫНЯ

Гостит Алёша у родителя, у соборного попа Левонтия ростовского, а в ту пору слава-молва катится, как река в половодье разливается. Знают в Киеве и в Чернигове, слух идёт в Литве, говорят в Орде, будто в трубу трубят в Новгороде, как Алёша Попович-млад побил-повоевал басурманскую рать-силу несметную да избавил от беды-невзгоды стольный Киев-град, расчистил дорогу прямоезжую...

Залетела слава на заставу богатырскую. Прослышал о том и старый казак Илья Муромец и промолвил так: „Видно сокола по полёту, а добра молодца видно по поездке. Народился у нас нынче Алёша Попович-млад, и не переведутся богатыри на Руси век по веку!“

Тут сажился Илья на добра коня, на своего бурушку косматого и поехал дорогой прямоезжей в стольный Киев-град.

На княжеском дворе слезал богатырь с коня, сам входил в палаты белокаменные. Тут поклоны вёл по-учёному: на все на четыре стороны в пояс кланялся, а князю с княгиней во особицу: „Уж ты здравствуешь, князь Владимир, на многие лета со своей княгиней со Апраксией! Поздравляю с великой победою. Хоть не случилось в ту пору богатырей в Киеве, а басурманскую рать-силу несметную одолели, повоевали, из беды-невзгоды стольный

град вызволили, проторили дорогу к Киеву да очистили Русь от недругов. А в том вся заслуга Алёши Поповича — он годами молод, да смелостью и ухваткой взял, а ты, князь Владимир, не приметил, не воздал ему почести, не позвал в свои палаты княженецкие и тем обидел не одного Алёшу Поповича, а и всех русских богатырей. Ты послушайся меня, старого: заведи застолье-почестен пир на всех славных могучих русских богатырей, позови на пир молодого Алёшу Поповича да при всех нас воздай добру молодцу почести за заслуги перед Киевом, чтобы он на тебя не в обиде был да и впредь бы нёс службу ратную“.

Отвечает князь Владимир-Красно солнышко: „Я и пир заведу, и Алёшу на пир позову, да и честь ему воздам. Вот кого будет в послах послать, его на пир позвать? Разве что послать нам Добрыню Никитича. Он в послах бывал и посольскую службу справлял, многоучен да обходительный, знает, как себя держать, знает, что да как сказать“.

Приезжал Добрыня в Ростов-город. Он Алёше Поповичу низко кланялся, сам говорил таковы слова: „Поедем-ка, удалый добрый молодец, в стольный Киев-град ко ласкову князю Владимиру хлеба-соли есть, пива с мёдом пить, там князь тебя пожалует“.

Отвечает Алёша Попович-млад: „Был я недавно в Киеве, меня в гости не позвали, не употчевали, и ещё раз ехать мне туда незачем“.

Низко кланялся Добрыня во второй након: „Не держи в себе обиды-червоточины, а садись на коня, да поедем на почестен пир, там воздаст тебе князь Владимир почести, наградит дорогими подарками. Ещё кланялись тебе да звали на пир славные русские богатыри: первым звал тебя старый казак Илья Муромец да звал и Василий Казимирович,

звал Дунай Иванович, звал Потанюшка Хроменький и я, Добрыня, честь по чести зову. Не гневайся на князя на Владимира, а поедем на весёлую беседу, на почестен пир“.

„Коли бы князь Владимир позвал, я бы с места не встал да не поехал бы, а как сам Илья Муромец да славные могучие богатыри зовут, то честь для меня“, — промолвил Алёша Попович-млад да сядил на добра коня со своей дружинишкой хороброю, поехали они в стольный Киевград. Заезжали не дорогой, не воротами, а скакали через стены городовые к тому ли ко двору княженецкому. Посреди двора соскакивали с ретивых коней.

Старый казак Илья Муромец со князем Владимиром да с княгиней Апраксией выходили на красное крыльцо, с честью да с почётом гостя встретили, вели под руки в палату столовую, на большое место, в красный угол посадили Алёшу Поповича, рядом с Ильёй Муромцем да Добрыней Никитичем.

А Владимир-князь по столовой по палате похаживает да приказывает: „Отроки, слуги верные, наливайте чару зелена вина да разбавьте медами стоялыми, не малую чару — полтора ведра, подносите чару Алёше Поповичу, другу чару поднесите Илье Муромцу, а третью чару подавайте Добрынюшке Никитичу“. Подымались богатыри на резвы ноги, выпивали чары за единый дух да меж собой побратались: старшим братом назвали Илью Муромца, средним — Добрыню Никитича, а младшим братом нарекли Алёшу Поповича. Они три раза обнимались да три раза поцеловались.

Тут князь Владимир да княгиня Апраксия принялись Алёшеньку чествовать, жаловать: отписали, пожаловали город с пригородками, наградили большим селом с

присёлками. „Золоту казну держи понадобью, мы даём тебе одёжу драгоценную!“

Подымался, вставал млад Алёша на ноги да возговорил: „Не один я воевал басурманскую рать-силу несметную. Со мной бились-ратились дружинники. Вот их награждайте да и жалуйте, а мне не надо города с пригородками, мне не надо большого села с присёлками и не надобно одёжи драгоценной. За хлеб-соль да за почести благодарствую. А ты позволь-ко, князь Владимир стольно-киевский, мне с крестовыми братьями Ильёй Муромцем да Добрыней Никитичем безданно-беспошлинно погулять-повеселиться в Киеве, чтобы звон-трзвон было слышно в Ростове да в Чернигове, а потом мы поедем на заставе богатырской стоять, станем землю русскую от недругов оборонять!“ Тут Алёшенька прихлопнул рукой да притопнул ногой: „Эхма! Не тужи, кума!“

Тут славные могучие богатыри Алёшу Поповича славили, и на том пир-столованье окончилось.

Для младшего школьного возраста

АЛЕША ПОПОВИЧ

Русская былина

Рассказал для детей А. Нечаев

Художник В. Кульков

Редактор *Т. Носова.*
Художественный редактор *Г. Коптелова.*
Технический редактор *Н. Жигенёва.*
Корректор *Н. Пьянкова.*

Сдано в производство 7/IX-73 г. Подписано в печать 29/III-74 г.
Бумага офсетная № 1. Формат 60×90/8. Печ. л. 3,0. Уч.-изд. л. 2,37.
Тираж 300 000. (100 000 с припр. пл.—цена 44 коп., 200 000 лак. обл.—
цена 21 коп.) Изд. № 2021. Заказ № 623. Издательство «Малыш»
Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам изда-
тельств, полиграфии и книжной торговли. Москва, К-55, Бутырский
вал, 68. Калининский полиграфкомбинат детской литературы имени
50-летия СССР Росглаволиграфпрома Госкомиздата СМ РСФСР.
Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Н 70802—010
М102(03)—74—15—74

